УДК 141:316

DOI 10.17506/articles.mobility.2018.257275

Русакова Ольга Фредовна,

доктор политических наук, профессор,
заведующая отделом философии

Института философии и права

Уральского отделения Российской академии наук,

г. Екатеринбург,

E-mail: rusakova_mail@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6920-2549

Русаков Василий Матвеевич,

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры политических наук

Уральского федерального университета,

г. Екатеринбург,

E-mail: dipi@nm.ru

Дискурс мобильности: многообразие контекстов

Статья посвящена исследованию проблемы расширения смыслового пространства дискурса мобильности посредством изучения следующих его контекстуальных планов: контекст инструментов мягкой силы, контекст медиасферы, контекст социокультурной антропосферы. Методологической основой контекстуального анализа дискурса мобильности является принцип интеграционного синтеза, который позволяет выявить точки пересечения дискурса мобильности с дискурсивными областями других контекстуальных сфер. Авторы утверждают, что интегрирующим стержнем дискурсов мобильности и мягкой силы является их принадлежность к области коммуникативных ценностей. В дискурсе мобильности культивируются такие базовые коммуникативные ценности, как скорость, гибкость, адаптивность, инновационность, а в дискурсе мягкой силы – создание и трансляция привлекательных образов агентов влияния, развитие добровольных обменных процессов, ненасильственное регулирование конфликтных ситуаций, миротворческая деятельность и др. Делается вывод о том, что мобильность как характеристика мягкой силы в смысловом плане означает оперативность, отзывчивость к новизне, способность гибко сочетать элементы мягкого и жесткого влияния (smart power).

При рассмотрении дискурса мобильности в контексте медиасферы особое внимание уделяется таким феноменам, как мобилизационный потенциал новых медиа, цифровая мобильность, мобильность дискурса медиа-пропаганды. Отмечается прямая зависимость мобильного образа жизни от информационных технологий. В процессе анализа дискурса мобильности в контексте проблематики «антропологической катастрофы» авторы обращают внимание на качественные изменения в современной антропосфере, происходящие под влиянием культа мобильных технологий и процесса цифровизации общественной жизни. В статье выделяются угрозы человеческого существования, связанные с некритическим тотальным применением цифровых технологий в сферах управления, образования и др. Отмечается, что зависимость человека от цифровых систем в итоге приводит к цифровому неравенству, к дегуманизации индивида, к возникновению общества Оруэлловского типа и появлению постчеловека. Выход из ситуации цифровой дегуманизации авторы видят в утверждении парадигмы диалектической связи мобильности и стабильности (изменчивости и устойчивости), а также – в развитии концепций цифрового равенства и «умной власти».

Ключевые слова:

дискурс мобильности, дискурс мягкой силы, smart power, медиасфера, цифровая мобильность, цифровое неравенство, дискурс медиа-пропаганды, антропологическая катастрофа, дегуманизация, постчеловек.

XX век, как, пожалуй, никакой ранее, раскрыл и обнажил невероятное количество аспектов мобильности, понимаемой предельно широко: миграции, туризм, трудовая, профессиональная и социальная (социокультурная) мобильность, академическая мобильность, экзистенциальная мобильность и др.

В современных исследованиях феномен мобильности рассматривается в качестве атрибутивного свойства информационного общества и важнейшей характеристики общества постфордистского типа. Благодаря работам З. Баумана [Бауман, 2008], М. Кастельса [Кастельс, 2016; Castells, 2010], Дж. Урри [Урри, 2012a; Урри, 2012b], Т. Крессвелла [Cresswell, 2010; Cresswell, 2011] и других, такие понятия, как «текущая современность», «поток», «сети», «пространственно-временная мобильность»

обрели статус научных категорий и стали основой построения новых концептуально-дискурсивных комплексов.

Теоретические лики дискурса мобильности различаются предметно-дисциплинарной оптикой, приоритетными объектами исследования. Согласно известному британскому социологу Джону Урри, парадигма мобильности должна встать во главу угла такой новой дисциплины, как социология мобильности. Фокус исследований социологов, считает Урри, сегодня дрейфует в сторону изучения неустойчивых социальных образований и процессов, выступающих в виде констелляций различных видов и типов мобильности [Урри, 2012b, с. 12].

Одним из современных трендов изучения дискурса мобильности является расширение его смыслового пространства путем погружения в многообразные контекстуально-предметные планы. В русле данного тренда осуществляется синтез разного рода дискурсов и концептов, что позволяет теоретически осваивать под ракурсом парадигмы мобильности актуальные исследовательские поля и проблемы.

К значимым контекстуальным сферам, погружаясь в которые дискурс мобильности приобретает новые смысловые измерения, мы в настоящей статье относим, во-первых, *область развития и функционирования мягкой силы* как совокупности определенных инструментов политического влияния и управления, во-вторых, *медиаферу*, представленную медиадискурсами в качестве основных агентов конструирования виртуальной реальности, в-третьих, *пространство социокультурной антропосферы*, испытывающее определенные трансформации под воздействием фактора и дискурса мобильности, радикальным последствием которых может стать антропологическая катастрофа.

Дискурс мобильности в контексте технологий мягкой силы. При анализе дискурса мобильности как значимой характеристики мягкой силы мы опираемся на методологию интеграционного синтеза, направленную на объединение в целостную концептосферу двух групп смысловых значений понятий «мобильность» и «мягкая сила». Интегрирующим смысловым стержнем данных понятий выступает идея о том, что как мобильность, так и мягкая сила могут рассматриваться в качестве *коммуникативных ценностей*.

Под мобильностью как коммуникативной ценностью нами подразумеваются такие свойства социальных институтов,

процессов и субъектов, которые имеют, прежде всего, скоростные измерения [Virilio, 2007]. К таковым относятся:

- скорость вовлечения в коммуникативные сети;
- интерактивность ценностного обмена;
- скорость реагирования на вызовы и угрозы;
- скорость получения, обработки и продвижения информации;

– скорость генерации новых идей и развития инноваций;

– социально-психологическая адаптивность к высоким скоростям, к новым медиа и технологиям.

Другими коммуникативными ценностями, которые представляет и продвигает дискурс мобильности, являются: *мобильность* (физическая и пространственно-временная подвижность, стремление к передвижению и переменам) [Урри, 2012а, с. 122–123], *адаптивность* (быстрое и гибкое приспособление к реалиям изменчивого мира; владение новейшими информационными технологиями (информационная мобильность); инновационность и креативность [Урри, 2012а].

Ценностно-коммуникативные установки дискурса мобильности могут быть теоретически и практически состыкованы со стратегическими ценностными установками и свойствами дискурса мягкой силы.

К коммуникативно-ценностным свойствам мягкой силы, с нашей точки зрения, относятся способности субъектов создавать и транслировать привлекательные образы (имиджи, бренды), грамотное владение технологиями «мягкого» воздействия с целью создания новых сфер влияния. К основным коммуникационным механизмам мягкой силы можно отнести:

– вовлечение в коммуникацию посредством привлекательности культурных, экономических, образовательных и других транслируемых ценностей;

– вовлечение партнеров в символический обмен посредством широкого продвижения символических ценностей (имиджи, бренды, мифы, «звезды»);

– гибкое, ненасильственное реагирование на внешние и внутренние конфликты с помощью дипломатических усилий, миротворческой деятельности и гуманитарной помощи;

– выстраивание новых эффективных сетей коммуникации (парадипломатия, гуманитарная дипломатия, city-дипломатия и др.);

– создание комфортных для жизни и творчества пространственных, социальных, интеллектуальных и культурных сред;

– привлечение к соучастию в разработке и реализации инновационных проектов.

Включение дискурса мобильности в арсенал уже известных инструментов мягкой силы, на наш взгляд, позволит придать ее развитию новые дополнительные импульсы и привести к росту ее рейтинговых показателей. На практике поворот к инструментальному синтезу дискурсов мобильности и мягкой силы означает, во-первых, фокусирование специального внимания разработчиков конкретных государственных программ по развитию мягкой силы страны на таких важных моментах, как стратегическая гибкость, тактическая подвижность, скорость реагирования на изменения условий и ситуаций [Сонина, 2017]. Во-вторых, включение дискурса мобильности в проекты научного обеспечения государственных практик управления посредством инструментов мягкой силы предполагает придание особого значение такому показателю эффективности деятельности органов власти, как способность придавать дополнительное ускорение процессам обмена людскими, культурными, образовательными, информационными, вещественными и иными потоками. В-третьих, дискурс мобильности, рассматриваемый в качестве фактора обеспечения оперативности реагирования на новые запросы и вызовы, выступает важным показателем профессиональной компетентности представителей властных структур. В-четвертых, создание государственными и муниципальными институтами безбарьерной среды для социальной, транспортной и территориальной мобильности вполне может рассматриваться в качестве действенного механизма развития мягкой силы. В-пятых, с погружением дискурса мобильности в проблемную сферу развития мягкой силы закономерно встает вопрос о необходимости его включения в парадигму *smart power* или умной власти, предполагающей искусство находить оптимальный баланс в сочетании и использовании мягких и жестких инструментов влияния. Иначе говоря, мобильность можно рассматривать еще и в качестве атрибутивного свойства *smart power*. Это означает, что умная власть опирается на стратегически гибкие и технологически разнообразные проекты, обладает свойством быстрого генерирования новых идей и новейших методов управления, способна к оперативной перегруппировке сил и ресурсов для достижения намеченных целей.

В целом же, *под мобильностью как значимой характеристикой мягкой силы нами понимается оперативность, своевременность ее применения, отзывчивость к новизне обществен-*

ных запросов, комплексность использования разнообразных инструментов мягкого влияния, способность к интеграции с инструментами жесткого влияния в целях усиления *smartpower*. Иначе говоря, фактор мобильности сообщает мягкой силе новые властные импульсы [Ковба, 2015]. В этой связи справедливой является точка зрения британского исследователя Тима Крессвелла, согласно которой мобильность следует рассматривать в контекстах смысловых полей дискурсов власти, при этом отдельно выделяя такой объект научного анализа, как политика мобильности [Cresswell, 2010].

Особый интерес у исследователей сегодня вызывают такие виды мобильности, как цифровая мобильность, культурная мобильность, деловая мобильность, миграционная мобильность, академическая мобильность и др. Все эти виды мобильности могут рассматриваться в качестве атрибутивных характеристик определенных видов и параметров мягкой силы, рассматриваемых в разных рейтинговых системах. К ним относятся *digital* (развитие цифровых технологий), *immigration* (миграционная привлекательность), *tourism* (развитие туристической инфраструктуры и услуг для туристов), *university ranking* (университетский рейтинг), а также *engagement* (глобальное сотрудничество или публичная дипломатия), *culture* (культура, включая спорт и туризм), *enterprise* (предпринимательство), *education* (образование) [McClory, 2010].

Кроме того, международная консалтинговая компания Portland в рейтинговой системе показателей мягкой силы отдельно выделяет субиндекс *enterprise*, под которым подразумевается привлекательность экономической модели страны с точки зрения обеспечения рыночной конкурентоспособности, возможностей для развития инновационного потенциала, предпринимательской культуры [McClory, 2017]. С нашей точки зрения, при оценках данного показателя следует учитывать такой фактор, как *маркетинговая мобильность*, который выступает одним из гарантов коммерческого успеха. Маркетинговая мобильность реализуется в практиках рыночного продвижения товаров, услуг и брендов (промоушн), в расширении рыночного пространства, в рекламной экспансии и в поглощении конкурентов. Маркетинговая мобильность больших социальных систем сегодня рассматривается как условие успешного развития инноваций, преодоления кризисных ситуаций, экономической стагнации.

Включение дискурса мобильности в систему показателей развития мягкой силы страны особенно значимо для современ-

ной России, которая стремится усилить свое влияние на постсоветском пространстве. Вместе с тем, приходится констатировать, что до сих пор не выработана сколько-нибудь целостная и научно фундированная национальная стратегия развития мягкой силы России. Среди основных причин, тормозящих данный процесс, следует особо отметить фрагментарное, бессистемное участие институтов гражданского общества (включая организации народной дипломатии, просветительских, научных и культурных сообществ), в реализации проектов «мягкого» российского влияния.

Следует также отметить, что политика мобильности в отношении применения инструментов мягкой силы России на постсоветском пространстве, к большому сожалению, пока не нащупала необходимый баланс между мягкой и жесткой силами, необходимый для реализации умной власти (*smart power*). Попытки нынешнего руководства России сформулировать данную стратегическую программу нередко приводят не к оживлению инновационных поисков, а к подъему консервативно-охранительных настроений и взглядов, предлагающих возврат к советскому опыту международных коммуникаций. В советском опыте, безусловно, содержалась весьма ценная компонента соединения мягкого и жесткого внешнеполитического влияния. Однако не все, что было эффективно в эпоху противостояния двух систем, применимо к исполнению на постсоветском пространстве. Определенным прорывом в данном направлении можно считать деятельность России по разрешению конфликта в современной Сирии. Возможно, данный опыт послужит примером для усиления дискурса мобильности при реализации стратегии российской мягкой силы в постсоветских государствах.

Дискурс мобильности в контексте медиасферы. В эпоху информатизации дискурс мобильности особенно активно и глубоко вовлечен в медийный контекст [Грибовод, 2015]. Сама глобальная медиасфера является, по сути, пространством конкурентной борьбы медиадискурсов, в которой побеждают те дискурсы, которые обладают наибольшей мобильностью в области скоростного форматирования событий и оперативности доставки к потребителям информационных продуктов [Русакова, Русаков, 2016].

Между медийными институтами и субъектами медиакommunikаций постоянно разворачиваются информационные гонки за право первыми установить повестку дня и задать ин-

терпретационную рамку (фрейминг) новостным трансляциям. Известно, что наибольшей ментальной устойчивостью обладают первые впечатления, поэтому завоевание публики медийными средствами в значительной степени зависит от журналистской мобильности и мобильности других агентов медиасферы, то есть от их способности быстрее, чем конкуренты оказаться в эпицентре событий, раньше других дать соответствующую информационную картинку и представить собственную интерпретационную модель случившегося. Наибольшей степенью мобильности в плане скорости реагирования на события, быстрого публичного предоставления новой информации, как известно, обладают новые медиа (социальные сети, блоги, твиты). Однако в плане информационной компетентности и достоверности они нередко уступают традиционным медиа (пресса, радио, телевидение).

Еще одним важным аспектом, характеризующим мобильность в качестве атрибутивного свойства медийного дискурса, является его способность оперативно мобилизовывать массы для коллективного участия в той или иной публичной акции. В этом плане наибольшим зарядом мобилизационного воздействия обладает дискурс флэш-моба. Однако не стоит недооценивать в эпоху медиатизации и информатизации общества хорошо известный и апробированный в многолетней практике мобилизующий потенциал пропагандистского дискурса, который, по мнению теоретика пропаганды Э. Бернейса, «пронизывает всю нашу жизнь и меняет нашу картину мира» [Бернейс, 2010, с. 21].

В современной цифровой среде пропагандистский дискурс оказывается вполне мобильным медиа-образованием, поскольку он успешно адаптировался к цифровым технологиям и стал использовать их в процессе реализации определенных манипулятивных приемов с целью оперативного (мобильного) формирования нужного общественного мнения. Так, к примеру, одним из важных факторов, обеспечивших победу Д. Трампа на президентских выборах в США в 2016 г., стало активное использование им в ходе своей избирательной кампании социальных сетей [Соловей, 2017]. Опыт Трампа показал, что наилучшей цифровой платформой для мобильной передачи кратких посланий является Twitter – сервис микросообщений.

Мобильность дискурса медиа-пропаганды обусловлена также использованием технологий быстрой обработки больших массивов информации (Big Data), что повышает его эффектив-

ность при взаимодействии с многочисленными целевыми аудиториями и персональными пользователями. Использование скоростной обработки информации помогает пропагандистскому медиадискурсу быть максимально адаптивным к разнообразным запросам многомиллионной публики, что также характеризует его как инструмент мобильной коммуникации.

Можно утверждать, что пропагандистский дискурс цифровой медиасферы обладает более эффективной коммуникативной мобильностью, чем дискурс традиционной *off-line* пропаганды. «По сравнению с традиционной, пропаганда в цифровой среде имеет ряд важных преимуществ, — отмечает специалист в области манипулятивных технологий В.Д. Соловей. — Она оперативнее дает обратную связь, позволяет стремительно модифицировать послание и обеспечить его многовариантность, тем самым значительно повышая точность доставки. В целом, компьютерная пропаганда эффективнее традиционной и при этом дешевле ее» [Соловей, 2017, с. 86].

Дискурс мобильности в контексте антропосферы.

С развитием информационных технологий и возникновением феномена цифрового общества в социокультурной антропосфере происходят глубокие качественные изменения. Одним из важнейших таких изменений является резкое возрастание значения и роли информационной мобильности в жизни социальных групп и каждого человека. Под информационной мобильностью обычно подразумевается готовность человека быстро адаптироваться к цифровой среде, умение использовать современные информационные технологии и средства коммуникации в целях получения знаний, самообразования и личностного самоутверждения.

В педагогических исследованиях информационная мобильность рассматривается обычно в контексте задач профессиональной подготовки специалиста. Под информационной мобильностью будущего профессионала понимают, помимо способности ориентироваться и самореализовываться в динамично меняющемся информационном обществе, еще и умение предвосхищать, улавливать новые тенденции развития современного мира [Манаева, 2015].

Следует также отметить, что, согласно официальным документам, одна из стратегий современной системы образования в России целевым образом направлена на формирование информационно мобильной личности. Так, в Национальной доктрине образования Российской Федерации до 2025 г. в ка-

честве одной из задач современного образования обозначена подготовка высококвалифицированных специалистов, способных к профессиональному росту и «мобильности в условиях информатизации общества и развития новых наукоемких технологий» [Постановление № 754, 2000]. Согласно педагогической концепции информационно-мобильной личности, данного субъекта неизменно ждет профессиональный успех в конкурентной среде современного рынка труда. Однако такой подход не учитывает, что профессиональная и трудовая мобильности, основанные на информационной мобильности, — это далеко не исчерпывающий идеал жизнедеятельности человека, для которого помимо информационно-технологической оснащенности еще очень важна духовно-философская и этическое нравственная оснастка. Мобильный человек, освобожденный от гуманистических принципов и обязательств, выступает олицетворением исключительно технической функции, возможно, весьма совершенной в технологическом плане. Однако, будучи по сути «одномерным» человеком-функцией, он может в своей одержимости мобильностью, цифровыми технологиями стать на практике разрушителем традиционных форм социокультурных коммуникаций, выработанных вековыми традициями.

Следует также отметить, что экзистенциальное стремление человека к свободе и к личностному суверенитету в условиях развития цифровых технологий в сфере общественного управления вступает в противоречие с системой тотальной информационной открытости для внешних акторов всех его многочисленных персональных данных, хранящихся в Сети. Компьютерные технологии позволяют вскрывать и отслеживать большой массив информации, которая относится к замыслам, намерениям, предпочтениям, ценностям, гендерным и иным ориентациям мобильно информационной личности. В итоге человек как социальный субъект утрачивает черты своей автономности, оказывается «голым» перед лицом «Большого брата». Его так называемая мобильная успешность в цифровом пространстве на практике оборачивается высокой степенью зависимости индивида от манипулятивных технологий, направленных на реализацию тех или иных стратегий информационного управления обществом.

Феномен зависимости социального успеха человека от его способности быть мобильным, то есть умение свободно пользоваться всевозможными средствами мобильной коммуникации, закономерно приводит к «цифровому неравенству»

или «цифровому разрыву» (в англоязычном варианте – Digital Divide) внутри социума. «Суть проблемы состоит в следующем: возможности, предоставляемые современными цифровыми технологиями, поистине огромны, но пользоваться ими для достижения своих социальных и экономических целей может лишь небольшой процент населения Земли». Связано это как с недостаточным уровнем развития человеческого потенциала, так и с отсутствием у людей необходимых аппаратных и программных средств, а также доступа к коммуникациям [Бондаренко, 2001].

В эпоху «цифрового неравенства» возникает новое измерение бедности – информационное, которое ранжирует социальные слои общества по уровню их доступа к системам, обеспечивающим информационную мобильность. Цифровое неравенство формирует принципиальные различия в образе жизни информационно-мобильных и слабо мобильных (или иммобильных) граждан. В странах с развитой информационно-технологической инфраструктурой появилось понятие «интернетовский образ жизни» (Internet Lifestyle), характерный для людей, которые привыкли в своей повседневной жизни постоянно пользоваться Интернетом как естественной данностью.

Оборотной стороной интернетовского образа жизни является психологическая зависимость личности от возможности легкого доступа к Интернет-ресурсам. При фанатичном пристрастии к Интернету и другим мобильным средствам связи информационная мобильность превращается в новую социальную болезнь – Интернет-зависимость. Данная зависимость приводит к тому, что человек утрачивает способность включаться в разные формы *off-line* активности, его уход в виртуальную реальность становится средством гиперкомпенсации внутриличностных проблем [Самойлик, 2013].

Важно также иметь ввиду еще одно негативное следствие давления дискурса мобильности в современной медиасфере. Дело в том, что установка многих цифровых каналов на быстрое «вбрасывание» в информационное пространство эмоционально заряженных, но часто непроверенных данных, приводит к тиражированию так называемых фэйков или *fake news* (фальшивых новостей), следствием чего является увеличение доли дискурса постправды в пространстве массмедиа [Чугров, 2017]. Распространение дискурса постправды, в свою очередь, чревато дискредитацией логико-рациональной сферы познавательной деятельности человека, утратой интереса к научно-доказательной

базе, а в итоге – чревато понижением общего интеллектуального уровня представителей информационного общества.

Дискурс мобильности в контексте проблематики «антропологической катастрофы». В контексте проблематики антропологической катастрофы анализ дискурса мобильности предполагает выявление связанных с его широким распространением целого ряда вызовов и угроз для жизни человечества. Отметим некоторые из них.

1. В информационную эпоху доминирование дискурса мобильности приводит к качественным трансформациям всей социокультурной сферы. Диктатура дискурса мобильности порождает новые, важные для жизнедеятельности человека установки, к которым относится принцип «изменяйся или умри». Вследствие его реализации любая изменчивость превращается в единственно возможный способ существования человеческого общества, а всякая «остановка», стабильность означает не просто застой, но обречение на гибель.

2. Формирование больших баз данных (Big Data или БД) сопровождается почти тотальным цифровым контролем над личной жизнью индивида. Личность оказывается распределенной по гигантским базам данных. По словам Джона Урри, в современную эпоху «произошла необратимая «БД-изация» (database-ization), которую многие рассматривают как частный случай «программного кодирования» (coding) «самой жизни», что закономерно приводит к появлению общества в духе Оруэлла. В этом новом мобильном обществе «практически невозможно перемещение без цифрового отслеживания, и каждый, по крайней мере, в богатых обществах, оказывается внутри цифрового паноптикона, существующего для измерения общественной значимости и статуса каждого» [Урри, 2012а, с. 477–479]. В итоге оценка жизнедеятельности и статуса индивида осуществляется исключительно на основе цифровых показателей, т.е. происходит утрата смысло-значимости гуманистических параметров.

3. Культивирование непрерывных перемен может привести в итоге к тотальным модификациям биологических, социальных и ментальных сторон жизни человека вплоть до полного его перевоплощения в нечто запредельно человеческое или постчеловеческое [Bostrom, 2005]. Постчеловек – это человек, модифицированный с помощью новейших технологий до такой степени, что с общепринятой точки зрения он, по сути, уже не человек, а киборг [Крайнов, 2016, с. 106]. Идея постчеловека берется на вооружение представителями движения

постгуманизма, многие из которых считают, что непрерывно ускоряющийся научно-технический прогресс, развитие генной инженерии, нейропротезирования, слияние биотехнологий с информационными технологиями позволит создать постчеловека, обладающего сверх-способностями [Богомяков, 2010, с. 32–65]. Постчеловек – это человек-трансформер, непрерывно меняющий свою идентичность. Его тело и разум полностью зависят от информационно-технологических новинок и модных виртуальных конструкторов. У него нет устойчивых ориентаций (ценностных, социокультурных, гендерных и др.). Иначе говоря, в условиях глобальной мобильности складываются предпосылки для «антропологической катастрофы», которая понимается как самоуничтожение человеческого начала в человеке. По мнению М.К. Мамардашвили, антропологическая катастрофа – это «перерождение каким-то последовательным рядом превращений человеческого сознания в сторону антимира теней или образов, которые, в свою очередь, тени не отбрасывают, перерождение в некоторое зазеркалье, составленное из имитаций жизни. И в этом самоимитирующем человеке исторический человек может, конечно, себя не узнать» [Мамардашвили, 2011, с. 104].

4. В условиях резкого возрастания скоростей социальных и технологических изменений растут и масштабы последствий данного феномена. К примеру, в начале XXI в. сложилась беспрецедентная инфраструктура перемещений (средства сообщения, транспортные сети) и изменений (социальные институты, нацеленные на мобилизацию энергии социальных групп, средства массовой информации и манипуляции), возросла энерговооруженность человеческого общества (особенно в части оружия массового уничтожения). В результате возрос масштаб антропогенного воздействия на окружающую среду, а также на саму «природу человека» (телесность, психическая жизнь), в том числе с помощью био- и генной инженерии. Мощность вторжения перемен во все направления жизни вкуче со скоростью изменений открывают перед человечеством настоящие пропасти: угроза отравления окружающей среды, угрозы дегуманизации личности и тотального контроля в результате безответственных «игр разума» в науке, образовании, искусстве, воспитании и др.

Рассмотрение антропологических угроз, связанных скультом дискурса мобильности, наводит на мысль о необходимости внедрения в общественное сознание новой парадигмы, которая бы содержала рациональную установку на *диалектическое соединение мобильности и стабильности* (изменчиво-

сти и устойчивости). В классической философии (прежде всего, в немецкой классике) была глубоко продумана именно идея о диалектической взаимосвязи изменчивости и стабильности. Она также легла в основу марксистского учения о бытии, познании и практике. В социальных и гуманитарных практиках «правильное» сочетание этих противоположностей вполне возможно, но только с условием включения дискурса мобильности в контексты гуманистической антропологии, «цифрового равенства» и «умной власти».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бауман З. 2008. Текущая современность. М.: Питер. 240 с.
- Бернейс Э. 2010. Пропаганда / пер. с англ. И. Ющенко. М.: Hippo Publishing. 176 с.
- Богомяков В.Г. 2010. Дискурс политики третьего тысячелетия. Екатеринбург: Издат. дом «Дискурс-Пи». 140 с.
- Бондаренко С. 2001. «Цифровое неравенство» // Наука и жизнь. № 6. С. 55–63. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/6053/> (дата обращения: 10.06.2018).
- Грибовод Е.Г. 2015. Мобильность как атрибут медиатизации политики // Науч. журн. «Дискурс-Пи». № 2 (19). С. 75–77.
- Кастельс М. 2016. Власть коммуникации: учеб. пособие / пер. с англ. Н.М. Тылевич. М.: Высш. шк. экономики. 564 с.
- Ковба Д.М. 2015. Фактор мобильности с точки зрения теории «мягкой силы» // Науч. журн. «Дискурс-Пи». № 2 (19). С. 53–56.
- Крайнов А.Л. 2016. Идея трансгуманизма и коэволюция: социально-философский анализ // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. № 1. С. 106–118.
- Мамардашвили М.К. 2011. Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус. 201 с.
- Манаева Н.Н. 2015. Информационная мобильность студента университета как компонент качества образования студентов в современном мире // Профессиональное образование в России. № 10. С. 54–59.
- Русакова О.Ф., Русаков В.М. 2016. Парадигма мобильности в современном политическом медиадискурсе // Вопр. политологии. № 4 (24). С. 79–87.
- Самойлик А.А. 2013. Интернет-зависимость – актуальная проблема современного общества // Вестн. Череповец. гос. ун-та. Т. 2, № 2. С. 126–128.

Соловей В.Д. 2017. Особенности политической пропаганды цифровой среде // Гуманит. науки. № 1. С. 81–87.

Сонина Е.О. 2017. Перспективы применения технологий softpower в государственном управлении: опыт административной реформы в современной России // Науч. журн. «Дискурс-Пи». № 3–4 (28–29). С. 247–253.

Урри Дж. 2012а. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева; вступ. ст. Н.А. Харламова. М.: Практис. 576 с.

Урри Дж. 2012b. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. Д. Краличкина. М.: Издат. дом Высш. шк. экономики. 336 с.

Чугров С.В. 2017. Post-Truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис: Полит. исслед. № 2. С. 42–59.

Bostrom N. 2005. A History of Transhumanist Thought [Электронный ресурс] // Journal of Evolution and Technology. April. Vol. 14, № 1. P. 1–25. URL: <http://jetpress.org/volume14/bostrom.html> (дата обращения: 10.06.2018).

Castells M. 2010. The Rise of the Network Society. The Information Age. Economy, Society, and Culture. Oxford: The Wiley-Blackwell. 656 p.

Cresswell T. 2010. Towards and Politics of Mobility [Электронный ресурс] // Environment and Planning D: Society and Space. Vol. 28, iss. 1. P. 17–31. URL: http://www.academia.edu/538488/Towards_a_Politics_of_Mobility (дата обращения: 16.06.2018).

Cresswell T. 2011. On the Move: Mobility in the Modern Western World. Routledge: Taylor & Francis Group. 342 p.

McClory J. 2010. The New Persuaders: An international ranking of soft power [Электронный ресурс]. London: Institute for Government. 13 p. URL: https://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders_0.pdf (дата обращения: 02.11.2018).

McClory J. 2017. The Soft Power 30 2017 [Электронный ресурс], July 23. URL: <https://softpower30.com/soft-power-30--2017/> (дата обращения: 10.06.2018).

Virilio P. 2007. Speed and Politics / trans. by Mark Polizzotti. New York: Semiotext (e). 169 p.

Постановление Правительства РФ от 04.10.2000 № 751 «Национальная доктрина образования в Российской Федерации: программа развития до 2025 г., цели, задачи, способы их достижение и результаты» [Электронный ресурс]. URL: <http://fb.ru/article/413885/natsionalnaya-doktrina-obrazovaniya-v-rossiyskoy>

federatsii-postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-n-programma-razvitiya-do-g-tseli-zadachi-sposobyi-ih-dostizhenie-i-rezultaty (дата обращения: 10.06.2018).

References

Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' [Liquid modernity], Moscow, Piter, 2008, 240 p. (in Russ.).

Bernays E. Propaganda [Propaganda], Moscow, Hippo Publishing, 2010, 176 p. (in Russ.).

Bogomyakov V.G. Diskurs politiki tret'ego tysyacheletiya [Discourse of the Third Millennium Policy], Ekaterinburg, Izdatel'skiy dom «Diskurs-Pi», 2010, 140 p. (in Russ.).

Bondarenko S. «Tsifrovoye neravenstvo» [Digital inequality], Nauka i zhizn', 2001, no. 6, pp. 55–63, available at: <https://www.nkj.ru/archive/articles/6053/> (accessed June 10, 2018). (in Russ.).

Bostrom N. A History of Transhumanist Thought, Journal of Evolution and Technology, 2005, April, vol. 14, no. 1, pp. 1–25, available at: <http://jetpress.org/volume14/bostrom.html> (accessed June 10, 2018).

Castells M. The Rise of the Network Society. The Information Age. Economy, Society, and Culture, Oxford, The Wiley-Blackwell, 2010, 656 p.

Castells M. Vlast' kommunikatsii: ucheb. posobie [Power of communication], Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki, 2016, 564 p. (in Russ.).

Chugrov S.V. Post-Truth: transformatsiya politicheskoy real'nosti ili samorazrushenie liberal'noy demokratii? [Post-truth: transformation of political reality or self-destruction of liberal democracy?], Polis: Politicheskie issledovaniya, 2017, no. 2, pp. 42–59. (in Russ.).

Cresswell T. On the Move: Mobility in the Modern Western World, Routledge, Taylor & Francis Group, 2011, 342 p.

Cresswell T. Towards and Politics of Mobility, Environment and Planning D: Society and Space, 2010, vol. 28, iss. 1, pp. 17–31, available at: http://www.academia.edu/538488/Towards_a_Politics_of_Mobility (accessed June 16, 2018).

Gribov E.G. Mobil'nost' kak atribut mediatizatsii politiki [Mobility as an attribute of media policy], Nauchnyy zhurnal «Diskurs-Pi», 2015, no. 2 (19), pp. 75–77. (in Russ.).

Kovba D.M. Faktor mobil'nosti s tochki zreniya teorii «myagkoy sily» [The mobility factor from the point of view

of the soft powertheory], Nauchnyy zhurnal «Diskurs-Pi», 2015, no. 2 (19), pp. 53–56. (in Russ.).

Krainov A.L. Ideya transgumanizma i koevolyutsiya: sotsial'no-filosofskiy analiz [The ideas of transhumanism and the co-evolution: social-philosophical analysis], Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke, 2016, no. 1, pp. 106–118. (in Russ.).

Mamardashvili M.K. Soznanie i tsivilizatsiya [Consciousness and civilization], St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2011, 201 p. (in Russ.).

Manaeva N.N. Informatsionnaya mobil'nost' studenta universiteta kak komponent kachestva obrazovaniya studentov v sovremennom mire [Information Mobility of University Students as a Component of the Quality of Education in the Modern World], Professional'noe obrazovanie v Rossii, 2015, no. 10, pp. 54–59. (in Russ.).

McClory J. The New Persuaders: An international ranking of soft power, London, Institute for Government, 2010, 13 p, available at: https://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders_0.pdf (accessed November 02, 2018).

McClory J. The Soft Power 30 2017, July 23, 2017, available at: <https://softpower30.com/soft-power-30--2017/> (accessed June 10, 2018).

Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 04.10.2000 № 751 «Natsional'naya doktrina obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii: programma razvitiya do 2025 g., tseli, zadachi, sposoby ikh dostizhenie i rezul'taty» [Decree of the Government of the Russian Federation of 04.10.2000 No. 751 «National Doctrine of Education in the Russian Federation: Development Program until 2025, Goals, Objectives, Ways to Achieve them, and Results»], available at: <http://fb.ru/article/413885/natsionalnaya-doktrina-obrazovaniya-v-rossiyskoy-federatsii-postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-n-programma-razvitiya-do-g-tseli-zadachi-sposobyi-ih-dostizhenie-i-rezultatyi> (accessed June 10, 2018). (in Russ.).

Rusakova O.F., Rusakov V.M. Paradigma mobil'nosti v sovremennom politicheskom mediadiskurse [The mobility paradigm in modern political media discourse], Voprosy politologii, 2016, no. 4 (24), pp. 79–87. (in Russ.).

Samoylik A.A. Internet-zavisimost' – aktual'naya problema sovremennogo obshchestva [Internet addiction is an actual problem of modern society], Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013, vol. 2, no. 2, pp. 126–128. (in Russ.).

Solovey V.D. Osobennosti politicheskoy propagandy tsifrovoy srede [Features of political propaganda in the digital environment], *Gumanitarnye nauki*, 2017, no. 1, pp. 81–87.

Sonina E.O. Perspektivy primeneniya tekhnologiy softpower v gosudarstvennom upravlenii: opyt administrativnoy reformy v sovremennoy Rossii [Prospects for the application of softpower technologies in public administration: the experience of administrative reform in modern Russia], *Nauchnyy zhurnyy «Diskurs-Pi»*, 2017, no. 3–4 (28–29), pp. 247–253. (in Russ.).

Urry J. Mobil'nosti [Mobilities], Moscow, Praxis, 2012, 576 p. (in Russ.).

Urry J. Sotsiologiya za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya [Sociology beyond societies], Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2012, 336 p. (in Russ.).

Virilio P. Speed and Politics, New York, Semiotext (e), 2007, 169 p.

Olga F. Rusakova,

Doctor of Political Sciences, Full Professor,

Head of Philosophy Division,

Institute of Philosophy and Law

of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,

Ekaterinburg,

E-mail: rusakova_mail@mail.ru

ORCID: 0000–0001–6920–2549

Vasily M. Rusakov,

Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor,

Professor of the Department of Political Sciences,

Ural Federal University,

Ekaterinburg,

E-mail: dipi@nm.ru

The Discourse of Mobility: The Diversity of Contexts

Abstract

The article is devoted to the study of the problem of expansion of the semantic space of mobility discourse through the study of its contextual plans: the context of soft power tools, the context

of the media sphere, the context of the socio-cultural anthroposphere. The methodological basis of the contextual analysis of the mobility discourse is the principle of integration synthesis, which allows to identify the points of intersection of the mobility discourse with the discursive areas of other contextual spheres. The authors argue that the integrating core of the discourse of mobility and soft power is their belonging to the field of communicative values. In the discourse of mobility such basic communicative values as speed, flexibility, adaptability, innovation are cultivated, and in the discourse of soft power—the creation and transmission of attractive images of agents of influence, the development of voluntary exchange processes, non-violent conflict management, peacekeeping, etc. It is concluded that mobility as a characteristic of soft power in semantic terms means efficiency, responsiveness to novelty, the ability to flexibly combine elements of soft and hard influence (smart power). When considering the mobility discourse in the context of the media sphere, special attention is paid to such phenomena as the mobilization potential of new media, digital mobility, mobility of media propaganda discourse. There is a direct dependence of mobile lifestyle on information technologies. In the process of discourse analysis of mobility in the context of a perspective of “anthropological catastrophe”, the authors draw attention to the qualitative changes in the modern antroposfera, occurring under the influence of the cult of mobile technology and the process of digitalization of public life. The article highlights the threats to human existence associated with non-critical total application of digital technologies in the spheres of management, education, etc. human dependence on digital systems eventually leads to digital inequality, to the dehumanization of the individual, to the emergence of Orwell-type society and the emergence of the postman. The authors see a way out of the situation of digital dehumanization in the assertion of the paradigm of the dialectical connection of mobility and stability (variability and stability), as well as in the development of the concepts of digital equality and “smart power”.

Keywords:

discourse of mobility and the discourse of soft power, smart power, mass media, digital mobility, digital divide, media discourse, propaganda, anthropological catastrophe, the dehumanization, the posthuman.